

Электронный научно-образовательный журнал «История».
2013-2021

ISSN 2079-8784

URL - <http://history.jes.su>

Все права защищены

Выпуск 11 (109) Том 12 - Актуальные проблемы современной истории: к юбилею академика А. О. Чубарьяна. 2021

Федор Иванович Шмит и музейная дипломатия 1920—1930-х гг.

Ананьев Виталий Геннадьевич

*Санкт-Петербургский государственный университет
Российская Федерация, Санкт-Петербург*

Бухарин М. Д.

*Институт всеобщей истории РАН
Российская Федерация, Москва*

Аннотация

В статье анализируется научный диалог между ведущими советскими и мировыми представителями музеологической мысли, связанный с участием Федора Ивановича Шмита в одном из первых масштабных международных музеологических проектов — сборнике «Музеи. Международная анкета по вопросу реформы публичных галерей». Основой для публикации послужила переписка Ф. И. Шмита с Ж. Илера по вопросу публикации статьи советского ученого в выпуске возглавлявшегося последним «Республиканского журнала словесности, науки и искусства» за 1931 г., посвященном вопросам реформирования мировых музеев. СССР не остался в стороне от радикальных преобразований в мировом музейном деле, по этой причине ведущее мировое издание проявило сильнейшую заинтересованность в участии советского ученого в подготовке данного тома.

Ключевые слова: советско-французские отношения, музей, выставочная деятельность, визуализация идей, дипломатия

Дата публикации: 05.12.2021

Ссылка для цитирования:

Ананьев В. Г. , Бухарин М. Д. Федор Иванович Шмит и музейная дипломатия 1920—1930-х гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2021. – Т. 12. – Выпуск 11 (109) [Электронный ресурс]. URL: <https://history.jes.su/s207987840017631-3-1/> (дата обращения: 29.12.2021). DOI: 10.18254/S207987840017631-3

вопросы мировой политики, история войн и перемирий, дипломатии, отношений между державами — великими и малыми. Александр Оганович — и сам непревзойденный дипломат, мастер управления научными коллективами, мирного решения любых сложных вопросов, предотвращения конфликтов и «наведения мостов». Одно из своих главных достижений в науке Александр Оганович сформулировал следующим образом: «<...> я всей своей деятельностью на международной арене пытался показать, что мы являемся частью мировой науки»¹. Разряженная и конструктивная обстановка в Институте всеобщей истории РАН, который Александр Оганович возглавлял с 1988 по 2015 гг. в качестве директора, и научным руководителем которого он является в настоящий момент, сложилась во многом благодаря его личным качествам — умению равно распределять внимание всем сотрудникам, с каждым найти общий язык, помнить о мелочах, предвидеть развитие событий. Крупнейший ученый и дипломат — в таком статусе Александр Оганович встречает свой юбилей. Авторы хотели бы преподнести Александру Огановичу сей скромный подарок — исследование одного из эпизодов истории научной и культурной дипломатии в межвоенной Европе, связанного с советским присутствием в пространстве международных музееведческих дискуссий. Данная статья может рассматриваться как развитие и специализация вопросов, поставленных в отечественной историографии юбиларом².

2 В раннесоветский период важнейшую роль в развитии науки в целом, и — шире — гуманитарного знания играли музеи. Это во многом объяснялось тем, что именно музеи отчасти выполняли ту роль, которую в последующие эпохи выпало сыграть научно-исследовательским институтам. В раннесоветский период музеи наряду с университетами были одним из немногих четко организованных институтов с научной основой. Высшие учебные заведения и многочисленные академии, появившиеся в Советской России на рубеже 1910—1920-х гг., подвергались постоянным организационным преобразованиям. Музеи также преобразовывались, иногда расформировывались, а их коллекции тасовались, однако основные дискуссии применительно к ним велись по вопросам о предназначении музеев. Вокруг проблем, связанных с принципами организации музейной работы в СССР, как и в остальном мире в этот период, разгорались жаркие дискуссии. Новое время требовало новых ответов на вопросы о смысле и взаимосвязи научной, просветительской и экспозиционной функций музея.

3 В новом советском государстве начало обсуждению новых принципов организации музейной жизни было положено на Первой всероссийской конференции по делам музеев, состоявшейся в феврале 1919 г. в Петрограде. Конференция выработала принцип сотрудничества «политической власти и компетентной силы»³, которым затем руководствовались как государственные органы, так и сами музеи. Однако на практике этот принцип приводил зачастую к попыткам со стороны государства реализовать самые фантастические музейные проекты.

4 Так, например, 2 августа 1920 г. Коллегия по делам музеев и охране памятников искусства и старины Наркомпроса РСФСР приняла постановление об объединении «на научном принципе» Русского музея и Эрмитажа для создания «единого центрального художественно-исторического музея мирового искусства»⁴. Для подготовки реализации этого решения была составлена специальная комиссия, призванная решить — «в какой степени было бы возможно выполнить эту задачу без существенного нарушения интересов обоих музеев и какие для этого надлежит принять меры»⁵.

5 В состав комиссии вошли представители обоих лагерей — государства и научно-музейной сферы. К числу первых относились заведующий музейным Подотделом Петроградского отдела музеев и охраны памятников искусства и старины С. К. Исаков, заведующий Петроградским отделением ИЗО Наркомпроса РСФСР Н. Н. Пунин, председатель Всероссийской коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины Г. С. Ятманов и директор Музея революции М. Б. Каплан. Научно-музейная сфера была представлена академиками С. Ф. Ольденбургом и Н. Я. Марром, директором Эрмитажа С. Н. Тройницким, директором Русского музея А. А. Миллером, хранителем Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН Л. Я. Штернбергом. С 7 по 23 августа

1920 г. состоялось пять заседаний этой комиссии. Председательствовал на всех — член-корреспондент РАН, видный антиковед, профессор и бывший ректор Петроградского университета С. А. Жебелёв. Комиссия быстро вышла за намеченные проблемные рамки и начала обсуждать общие проблемы музейного дела.

6 Докладывая Совету Эрмитажа 3 августа 1920 г. о решениях комиссии, статус которой был повышен до коллегии, С. Н. Тройницкий отметил, что «строительство музеев должно быть основано на научной базе»⁶. С одной стороны, объединение Государственного Эрмитажа и Русского музея являлось бы одним из мегапроектов, big science начала 1920-х гг. Предполагавшееся создание единого сверхмузея отвечало духу эпохи, жившей мегасвершениями, свойственными, правда, в большей степени промышленности и сельскому хозяйству. Однако наука и культура стремились следовать руслу эпохи. С другой стороны, объединение зарубежного и российского материала в рамках одного музея соответствовало интернациональному характеру советской большевистской идеологии, отрицавшему в первые полтора десятилетия после революции само право на артикуляцию национальной специфики.

7 Направление обсуждению попытался задать председательствовавший на заседаниях комиссии Жебелёв. Хотя и не имея практически никакого опыта музейной работы, он, тем не менее, в силу своих научных интересов был тесно связан с изучением памятников античной материальной культуры и был довольно активно вовлечен в музейную жизнь Петрограда рубежа 1910—1920-х гг.⁷

8 13 августа 1920 г. им был впервые поставлен вопрос о взаимосвязи базовых музейных функций. Жебелёв подчеркивал, что в «1-ю очередь в музее должна быть научная деятельность, а просвещение, которое покоится на научной базе, само будет проистекать по различным радиусам»⁸. Преподавательская же работа, по мысли Жебелёва, в музеях не должна дублировать деятельность высших учебных заведений, но, скорее, быть сосредоточенной на преподавании техники музейного дела, инвентаризации, каталогизации и тому подобном⁹. И если первые два пункта предложенной Жебелёвым триады сколь-нибудь существенных дискуссий не вызвали, то третий был принят коллегами отнюдь не однозначно.

9 Принципиально иную точку зрения высказал по нему непреременный секретарь РАН С. Ф. Ольденбург, отметивший, что «музей — не подходящее для того место, так как нельзя одних и тех же людей заставлять повторять одно и то же. Центр дела в научной и образовательно-воспитательной части и корень его — в распределении музейного материала; многолетний опыт указывает на неправильное направление деятельности в этой области, так как в большей части музеев нет правильного разделения между научными и образовательными коллекциями; для научных работ, само собой, нужен весь материал, а для экспозиции нужна определенная часть, в определенной обстановке, что не производится ни у нас в России, ни за границей; за исключением небольшого числа заграничных музеев, в них не развита живая перемена в экспозиции»¹⁰.

10 Таким образом, на повестку дня был поставлен вопрос о реализации двухчастного метода организации музейного материала, со второй половины — конца XIX в. активно внедрявшегося в наиболее прогрессивных музеях Западной Европы и Северной Америки¹¹. Суть его заключалась в проведении определенного зонирования музейного пространства с выделением основной группы залов для широкой публики, в которой демонстрировался бы базовый нарратив музея, и группы дополнительных залов для специалистов, в которой предлагалось бы более углубленное рассмотрение частных деталей данного материала¹². В этой связи Ольденбург утверждал: «В первую очередь надо обратить внимание, какие коллекции подлежат выставлению к научной обработке, а затем обсуждать вопрос о том, какие должны быть подходы для перемены выставочного материала, какие эволюционные задачи должны быть выявлены»¹³.

11 Резюмируя все выше сказанное, Ольденбург выделил два центральных момента:

1) «Выставочная часть должна быть построена на биологическом принципе, то есть мы должны видеть предметы, как мы видим их в жизни, в этно-биологической обстановке»; 2) «резерв музея, его магазин должен быть в виде второго музея <...> Но так как музеи поставлены в необходимость строиться по одной программе, а в данное время по принципу территориальному, то необходимо, чтобы каждый музей имел еще и 3-й отдел, где устраивались бы переменные выставки, например, письма, обуви, замка и пр. Каждая выставка должна быть описана, описания изданы; затем устраивается следующая очередная выставка». Идею подобных выставок поддержали Миллер, Жебелёв и Тройницкий¹⁴.

¹² Идеи, близкие тем, которые формулировали члены комиссии, озвучивались и в других музееведческих центрах этого времени. Одним из них был Институт истории искусств, основанный еще до революции графом В. П. Зубовым. Разработке музееведческой проблематики здесь придал новый импульс видный искусствовед и музеевед профессор ЛГУ Федор Иванович Шмит, возглавивший институт в 1924 г. Тогда же, в рамках созданного в 1924 г. Комитета социологического изучения искусства, призванного объединять и направлять «научную работу всех отделов института в области социологии искусства»¹⁵, здесь была создана особая Музейная секция. Возглавлял секцию многолетний сотрудник Эрмитажа и специалист по истории античного искусства О. Ф. Вальдгауер.

¹³ Определяя цели и задачи секции, Вальдгауер отмечал 7 января 1925 г. на первом заседании ее президиума: «Новая общественная обстановка требует новых приемов музейного строительства, новых методов в экспозиции материала, при каковой должен быть учтен социологический момент. Применение социологических принципов в музейном деле требует осторожности и внимания и обязывает к предварительной основательной проработке этих вопросов. Поставленная на очередь проблема не может быть решена исходя из теоретических предпосылок, она требует практического изучения наличного музейного материала». Поэтому-то «в своей исследовательской работе, тесно связанной с живой практикой, само собой музейной секции придется начать с изучения тех музеев, в которых социологический метод легче применим, и отчасти уже применим. Таковыми являются музеи быта и музей революции. Искусство, прежде всего, — элемент быта. Учет бытовых явлений для изучения социологических основ искусства — необходим»¹⁶.

¹⁴ 30 марта 1926 г. на очередном заседании секции профессор Института истории искусств и хранитель Картинной галереи Эрмитажа Д. А. Шмидт сделал доклад на тему «Значение исследовательских отделов при картинных галереях», в котором отмечал важность двухчастного разделения материала художественного музея. Он утверждал: «Исследовательский отдел — должен быть научно сконструированным хранилищем, но не складом вещей. Резерв должен быть организован так, чтобы дать возможность обзирать и изучать его <...> Между исследовательским отделом и основным материалом должен быть установлен тесный контакт. Обмен вещами, те или иные пополнения основного собрания из резерва осветят галерею и лишат ее опасной “мумификации”»¹⁷.

¹⁵ Обсуждались эти вопросы и на международном уровне. В 1931 г. в Париже был опубликован сборник «Музеи: Международная анкета по вопросу реформы публичных галерей», объединивший статьи ведущих музейных специалистов мира и предопределивший профессиональное развитие музейного сектора на ближайшее будущее. Инициатором подготовки этого сборника был Жорж Вильденштейн, знаменитый галерист, коллекционер и искусствовед. Ж. Вильденштейн принимал активное участие в издании «Республиканского журнала словесности, науки и искусства», выходившего в Париже в 1926—1931 гг. Тематические номера этого издания были посвящены различным проблемам духовной жизни межвоенного двадцатилетия. Журнал обращался к экспертам в той или иной области с просьбой прокомментировать выбранную тему, а затем публиковал полученные материалы в тематических номерах. Руководил изданием нумизмат и литературный деятель Пьер д'Эспезель. Номер, вышедший в свет в 1931 г., был посвящен проблеме музеев и включал материалы масштабного международного проекта, проведенного под руководством Ж. Вильденштейна.

¹⁶ Объемный сборник (ок. 400 страниц) включал статьи 39 экспертов (музейных

работников, архитекторов, политиков) из Франции, Германии, Италии, Испании, Нидерландов, СССР, Великобритании, США. В центре внимания авторов находилась проблема художественных музеев и их роли в жизни современного общества. Авторы-составители писали, что «у XX в. есть все шансы заслужить эпитет “век музеев”». Отмечалось, что наряду с функцией хранения, практически единогласно всеми авторами сборника в качестве не менее важной, признавалась и функция просвещения. Авторы констатировали формирование особого «научного языка», связанного с музеографией, однако стремились ограничить споры лишь «основными техническими проблемами» и избегать «абстрактных рассуждений»¹⁸. С одной стороны, это соответствовало уровню развития музеологии, находившейся тогда на эмпирически-описательной стадии развития, с другой — находило соответствие в материале дискуссий, живо проходивших в исследовательских учреждениях и музеях СССР.

17 Авторы сборника, как и советские историки и музейные работники, исходили из представлений о необходимости организации любого художественного музея согласно принципу двухчастного деления, при котором для публики экспонировались лишь наиболее выдающиеся произведения, а второстепенные — определялись в хранилища, предназначенные только для специалистов.

18 Общие итоги всего изложенного подвел в своей статье «О политике французских музеев» сам руководитель проекта Ж. Вильденштейн. Он отметил большое количество музеев, существующих во Франции, при этом подчеркнув, что в стране «... нет ни одного музея французского искусства, в то время как ни один французский музей не приспособлен к своей социальной роли»¹⁹. Им была сформулирована очень важная мысль о социальной значимости музея как социокультурного института, получавшая в этот период все более и более широкое распространение и в СССР.

19 СССР в этом сборнике «Музеи» был представлен «точной и художественной» статьей Федора Ивановича Шмита «Музеи Союза Советских Социалистических Республик», которую составители отнесли к числу «наиболее значительных в томе»²⁰. Приведем несколько наиболее характерных положений статьи, которая является одним из центральных памятников международной музеологической мысли рубежа 1920—1930-х гг.

20 Ф. И. Шмит отклоняет концепцию «чистого искусства»: «Концепция искусства для искусства, искусства созданного гением отдельно взятого артиста, искусства, которое ценно само по себе и имеет абсолютную ценность, — эта концепция несовместима с марксистской доктриной. Художник лишь человек. Любой человек принадлежит обществу, хочет он того или нет. Любое общество разделено на классы, материальные интересы которых противостоят друг другу, и их нельзя примирить. В социальной борьбе художник — в большинстве случаев бессознательно — является не более, чем глашатаем класса, того, к которому он принадлежит по рождению или по своему предрасположению. Таким образом, художественные ценности являются *ценностями социальными и относительными*, потому что они — не более чем выражение идей, устремлений, предпочтений и ненависти того или иного класса»²¹.

21 По мнению Шмита, искусство находится в теснейшей связи с общественным развитием: «Искусство — не более чем проявление общества, искусство всегда *пропаганда* целой совокупности идей и чувств, целого образа видеть и постигать мир»²².

22 С другой стороны, Шмит, определенно, не отождествляет принципы организации советских музеев с основаниями музеев зарубежных, «буржуазных»: «Как видите, нам нужны музеи старого искусства (а все, что относится ко временам до 1917 г., является старым, для нас это предыстория). Только наши музеи, у нас, ни в чем не похожи на то, что называется музеями в Европе или в Америке. Не об удовольствии утонченных интеллектуалов думаем мы, когда обустроиваем музей, но о демонстрации исторического процесса средствами, доступными для широких масс; не роскошные и безмолвные залы мы хотим иметь в наших музеях, залы, способствующие почти религиозному восприятию искусства любителем, но выставочные салоны, салоны, наполненные толпами граждан,

жаждущих узнать, как проходила борьба вчера, чтобы предугадать успех борьбы, которая идет сегодня и предстоит завтра»²³.

23 Шмит переходит далее к тем тезисам, которые были выработаны на музейных форумах рубежа 1910—1920-х гг.: «Мы только начинаем совершать революцию «культурную» и выстраивать новую всеобъемлющую систему оценок и идей. Прежние музеи теперь не более чем гигантские фонды, из которых будут брать факты, в которых будет надобность»²⁴.

24 По мнению советского искусствоведа, музей — прежде всего, «школа жизни», то есть в организации музея образовательный элемент должен превалировать: «Поместить произведения искусства в среду, для которой они были задуманы, и в которой они становятся красноречивыми и убедительными; показать общественный строй, находящий в них свое выражение, вести с их помощью пропаганду; объяснять эволюцию художественного стиля через перипетии классовой борьбы; реформировать музеи, чтобы сделать из них не золоченые гробы, но школы мудрости и жизни для бесчисленных масс трудящихся: вот чего мы хотим, вот что мы стараемся делать»²⁵.

25 Эти идеи импонировали и интересовали составителей сборника «Музеи», в частности Жоржа Илера (1900—1976). Илер был критиком в искусствоведческом издании «Revue des Beaux Arts». В 1927 г. он стал главным редактором правоцентристского издания «Le Moniteur du Puy-de-Dôme», которым владел Пьер Лаваль (1883—1945). В 1931 г. Лаваль был назначен премьер-министром Франции, и Илер стал его заместителем, исполнявшим наиболее деликатные поручения. Дальнейшая судьба Лавалья и Илера была связана со службой режиму Виши. Лаваль в итоге был расстрелян, а Илер вынужден бежать в Швейцарию, получил тюремный срок, в 1955 г. был помилован и доживал свой век в небольшой деревушке Юсель. Однако до этих драматических событий оставалось еще много времени. В 1931 г. на повестке дня стоял вопрос о реформировании мировой музейной сферы.

26 В этой связи значительный интерес представляет переписка Ж. Илера и Ф. И. Шмита, отложившаяся в фонде советского ученого в Центральном государственном архиве литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб. Ф. 389. Оп. 1. Д. 80, 150).

27 Семь посланий — шесть машинописных, отправленных Илером Шмиту с рукописными вставками на бланках журнала «Cahiers...», и рукописный ответ Шмита — проливают свет на один из примечательных эпизодов развития музейной дипломатии между СССР и глобальной гуманитарной общественностью. Идеи Шмита оказались созвучными тем умонастроениям, которые определяли развитие мировой музеологической мысли.

28 Внешнеполитическая обстановка в 1930-е гг., однако, стремительно деградировала. На повестку дня выходили иные вопросы: передел мира, заключение союзнических блоков и актов о ненападении, за которыми, однако, скрывались наиболее агрессивные намерения. Музеееды словно не чувствовали приближавшиеся напасти. Тем значительнее в условиях усложнявшейся внешнеполитической обстановки были их усилия по поддержанию гуманитарных контактов.

29

№ 1

Ж. Илер — Ф. И. Шмиту

Paris le 3 juin 1930

Monsieur le Professeur,

Nous savons que vous avez consacré d'importantes études aux questions de muséographie, et c'est à ce titre, que nous nous permettons de vous écrire.

Les «Cahiers de la République des Lettres» consacrent chacun de leurs fascicules à un sujet d'actualité et d'intérêt général («Politiques et Religion» — «Le Sport» — «Le caricature bibliothèques» — «L'art précolombien», etc.) dans un esprit d'indépendance absolue. Ils préparent actuellement un volume sur les Musées, à caractère surtout technique. Plusieurs personnalités

internationaux nous ont déjà envoyé leur collaboration à cet ouvrage. Nous pensons publier et confronter librement, suivant notre formule, leurs opinions si diverses qu'elles soient. Il nous serait particulièrement utile de pouvoir compter également sur vous.

Pourriez-vous nous exposer à larges traits de quelles réformes, le gouvernement de l'U.R.S.S. est partisan en ce qui concerne la conservation et la présentation des oeuvres dans les musées et l'utilisation meilleure des galeries publiques?

Est-il disposé à approuver le double principe formulé par des nombreux maîtres de la "muséographie", chaque musée serait divisé en deux parties?

D'une part, un musée de chefs-d'oeuvre dont la présentation offrirait sans peine au visiteur, pour son plaisir et pour sa rapide éducation, le spectacle des grandes réussites artistiques.

D'autre part, un musée scientifique, dont le classement logique ou chronologique permettrait les études des spécialistes.

Ces idées ont été réalisées dans les musées de certains pays. Ont-elles reçu une application en URSS, où existe-t-il une conception différente de l'organisation artistique et matérielle des musées et de leur rôle, en ce qui concerne l'éducation du peuple?

Il nous est impossible, sachant la nouvelle importance sociale donnée aux galeries publiques par le gouvernement de l'URSS et ayant reçu plusieurs études générales consacrées aux musées des grands pays du monde, de nous passer d'un article sur ceux de l'URSS et nous serions heureux, que vous puissiez vous charger de cette étude, pour laquelle vous avez la plus grande liberté.

Pourrons-nous la recevoir avant le 30 juin, et devons-nous l'attendre? Sa longueur pourrait correspondre au minimum à huit ou dix pages imprimées, format in-octave et vous recevriez une indemnité de Fr. 500.

Je vous fait tenir, par ce même courrier, un exemplaire de nos deux derniers numéros parus, et vous prie d'agréer Monsieur le Professeur, l'expression de nos sentiments distingués.

Le Rédacteur en chef Georges Hilaire²⁶.

P. S. Voici la liste des principaux collaborateurs envisagés pour notre sommaire:

M. Henri Verne, Directeur des Musées Nationaux à Paris, M. de Forest²⁷, Président du Metropolitan Museum à New York, M. Deonna²⁸, Directeur du Musée de Genève, M. Alvares de Sotomayor, Directeur du Musée du Prado à Madrid, M. Schmidt-Degener, Directeur du Rijks Museum d'Amsterdam, M. Francesco Pellati (Italia), Lord d'Abernon, Président de la Royal Commission on Museums, M. Max Friedlander (Berlin), M. Swarzenski, Directeur des Musées de Francfort, MM. Élie Faure, André Lhote, Georges Rouault, Mme M. Sarfatti, MM. Basler, Eugenio d'Orse, Focillon, professeur à la Sorbonne.

ЦГАЛИ СПб. Ф. 389. Оп. 1. Д. 150. Л. 1—2.

Господин профессор,

Мы знаем, что Вы являетесь автором важных исследований по вопросам музеографии, и именно в этом качестве мы решились писать Вам.

«Cahiers de la République des Lettres» в духе абсолютной независимости посвящают каждый из своих выпусков актуальной теме, интересной для всех («Политика и религия», «Спорт», «Библиотечная карикатура», «Доколумбово искусство» и так далее). В настоящее время издание готовит том о музеях преимущественно технического характера. Несколько авторов международной известности уже направили свои работы в этот том. Мы хотели бы опубликовать их мнения в максимально возможном разнообразии. Нам было бы особенно полезно также рассчитывать на Вас.

Не могли бы Вы рассказать нам в самых общих чертах о реформах, сторонником которых является правительство СССР, по вопросам сохранения и представления экспонатов в музеях и более эффективного использования общественных галерей?

Готово ли оно утвердить двойной принцип, сформулированный многими мастерами «музеографии», когда каждый музей был бы разделен на две части?

С одной стороны, — музей шедевров, которые могли бы без труда предложить посетителю, для его удовольствия и быстрого воспитания, визуальный ряд великих художественных достижений.

С другой стороны, — научный музей, логическая или хронологическая структура

которого позволила бы специалистам проводить соответствующие исследования.

Эти идеи уже были реализованы в музеях некоторых стран. Нашли ли они применение в СССР, и существует ли в СССР иная концепция художественной и материальной организации музеев и их роли в воспитании народа?

Зная о новой общественной важности, придаваемой правительством СССР государственным галереям, и получив первые общие исследования, посвященные музеям великих стран мира, у нас нет возможности дать статью о советских музеях; и мы были бы счастливы, если бы Вы могли заняться этим исследованием, пользуясь при этом максимальной свободой.

Сможем ли мы получить его до 30 июня, и должны ли мы его ждать? Его размер может составлять не менее восьми или десяти печатных страниц формата *in octave*, и Вы получите за него гонорар в размере от 500 франков.

В этом же письме я шлю Вам экземпляр наших последних двух номеров, и прошу Вас принять, господин профессор, выражение нашего искреннего уважения.

Главный редактор Жорж Илер.

P. S. Вот список главных предполагаемых участников:

Г-н Анри Верн²⁹ — директор Национальный музеев в Париже, г-н де Форест³⁰ — президент Метрополитен-музея в Нью-Йорке, г-г Деонна — директор Женевского музея, г-н Альварес де Сотомайор³¹ — директор музея Прадо в Мадриде, г-н Шмидт-Дегенер³² — директор Рийкс-музея в Амстердаме, г-н Франческо Пеллати³³ (Италия), Лорд д'Абернон³⁴ — президент Королевской музейной комиссии, г-н Макс Фридландер³⁵ (Берлин), г-н Сварженский³⁶ — директор франкфуртского музея, господи Эли Фор³⁷, Андре Лот³⁸, Жорж Руо³⁹, г-жа Сарфатти⁴⁰, господи Баслер⁴¹, Эугенио д'Орс⁴², Фоссийон⁴³ — профессор Сорбонны.

31

№ 2

Ф. И. Шмит — Ж. Илеру

11 июня 1930 г.

Monsieur,

je viens de recevoir Votre lettre du 3 juin. Je vais tâcher de Vous fournir l'article voulu. Seulement, j'ai perdu, au cours de derniers quinze ans, l'habitude de m'exprimer en français et si j'écris negre Vous aurez à corriger mes fautes de style. Si cela ne Vous effraye pas, je suis á Vos ordres.

Agréer, Monsieur, l'assurance de ma parfaite considération.

ЦГАЛИ СПб. Ф. 389. Оп. 1. Д. 80. Л. 1.

32

Перевод

Милостивый государь,

Я только что получил Ваше письмо от 3 июня. Я постараюсь прислать Вам желаемую статью. Я разве что в течение последних 15 лет потерял привычку изъясняться по-французски и, если я пишу по-негритянски, Вам придется исправлять мои стилистические ошибки. Если это обстоятельство Вас не отпугивает, то я — в Вашем распоряжении. Примите, Милостивый государь, уверение в совершенном почтении.

33

№ 3

Ж. Илер — Ф. И. Шмиту

Le 16 juin 1930

Monsieur le Professeur,

Nous avons bien reçu votre lettre du 11 juin et vous remercions de votre promesse. Vous avez toute liberté pour vous exprimer dans la langue qu'il vous plaira. Si je dois retoucher, au point de vue de la forme, l'article français où vous voulez bien écrire pour nous, je m'empresserai de vous renvoyer les épreuves pour les soumettre à votre approbation.

Nous considérons votre collaboration comme si importante, que nous attendrons votre étude avant de procéder à aucune mise en pages de notre ouvrage. Je vous serais reconnaissant de

m'indiquer, si vous le jugez utile, quelques photographies représentant de bonnes expositions d'oeuvres d'art (peintures notamment) ont les systèmes nouveaux de présentation des objets dans les musées soviétiques.

Que pourrions-nous nous procurer ces photographies? Il nous serait utile d'en publier une ou deux car nous comptons donner plusieurs exemples illustres des systèmes d'exposition nouveaux pratiques dans les divers musées du monde.

En vous remerciant votre promesse, je vous prie de croire, Monsieur le Professeur, à l'expression de mes sentiments distingués.

ЦГАЛИ СПб. Ф. 389. Оп. 1. Д. 150. Л. 3 — 3 об.

34

Перевод

Глубокоуважаемый профессор,

Мы получили Ваше письмо от 11 июня и благодарим Вас за обещание. Вы совершенно свободны изъясняться на том языке, который Вам нравится. Если мне придется редактировать с точки зрения формы французскую статью, которую Вы могли бы написать для нас, я буду рад отправить Вам верстку, чтобы передать ее на Ваше одобрение.

Мы считаем сотрудничество с Вами настолько важным, что мы будем ждать Ваше исследование, прежде чем мы приступим к верстке нашей работы. Я был бы Вам признателен, если бы Вы указали мне, если Вы сочтете это полезным, несколько фотографий хороших выставок произведений искусства (особенно живописи), составленных на основе новых систем представления предметов в советских музеях.

Можем ли мы достать эти фотографии? Было бы полезно опубликовать одну или две из них, поскольку мы намерены привести несколько показательных примеров новых выставочных систем в различных музеях мира.

Благодарю Вас за обещание и прошу Вас, господин профессор, принять уверение в моем совершенном почтении.

35

№ 4

Ж. Илер — Ф. И. Шмиту

Получил 21.10.30!⁴⁴

Le 3 juillet 1930

Monsieur le Professeur,

Nous avons bien reçu les trois premières pages de votre article qui correspondent exactement à ce que nous désirons. Nous donnerons aussitôt à imprimer, après d'insignifiantes retouches de forme, dès que nous serons en possession de votre étude.

Vous avez tout le temps pour nous faire parvenir les dernières pages, car notre volume ne sera pas publié avant la rentrée (septembre, octobre) étant donné que certains articles américains manquent encore, et que nous devons procéder à l'illustration de cet ouvrage. À ce propos nous vous serions <reconnaisant> de ne pas manquer de nous faire parvenir quelques photographies représentant de bonnes expositions d'oeuvres d'art appartenant aux musées soviétiques, ou de nous indiquer à qui nous pourrions nous adresser pour obtenir ces reproductions.

Vous recevrez à la publication de notre cahier l'indemnité qui vous est due, à moins que vous ne desiriez qu'elle vous soit envoyés plus tôt.

Veillez agréer, Monsieur le Professeur, avec mes remerciements, l'expression de mes sentiments les plus distingués.

G. Hilaire.

Au moment d'expédier cette lettre je reçois trois autres pages complémentaires de votre étude dont je vous félicite et vous remercie. Le style français en est remarquablement claire et correct. Je n'ai pas besoin de vous le dire et je vous renverrais très vite vos épreuves. Mais des photos nous seraient aussi très utiles. Le "Musée de la Révolution" a-t-il été disposé de <...> heureuse et pouvons-nous écrire au directeur de ce musée?⁴⁵

ЦГАЛИ СПб. Ф. 389. Оп. 1. Д. 150. Л. 4 — 4 об.

36

Перевод

Господин профессор,

Мы получили первые три страницы Вашей статьи, которые точно соответствуют нашим желаниям. Мы отдадим их в печать сразу же после незначительной формальной правки, как только получим <полностью> Ваше исследование.

У Вас есть все время, чтобы передать нам последние страницы, потому что наш том не будет опубликован до сентября — октября, поскольку еще отсутствуют некоторые американские статьи, и мы должны еще проиллюстрировать эту работу. В этой связи мы бы хотели, чтобы Вы предоставили нам несколько фотографий хороших выставок экспонатов произведений искусства в советских музеях или указали нам, к кому мы могли бы обратиться, чтобы получить эти репродукции.

Вы получите гонорар по факту публикации нашего журнала, если не пожелаете, чтобы он был отправлен Вам несколько раз раньше.

Благодарю Вас, господин профессор, и прошу принять уверение в моем совершенном почтении.

Ж. Илер.

Отправляя это письмо, я получил дополнительно еще три страницы Вашего исследования, за которые я хотел бы Вас поблагодарить. Французский стиль на удивление ясен и верен. Мне не нужно говорить Вам об этом, и я бы мог очень быстро отправить Вам Вашу верстку. Однако фотографии были бы для нас очень полезны. Готов ли “Музей революции” <...>, и можем ли мы написать директору этого музея?

37

№ 5

Ж. Илер — Ф. И. Шмиту

Le 8 août 1930

Monsieur le Professeur,

Nous vous adressons recommandées, et par courrier de ce jour, les épreuves définitives de votre article. Vous avez bien entendu le droit de procéder à toutes corrections d’auteur de votre texte en langue russe en française dont nous tiendrons scrupuleusement compte. Notre volume comprendra quatre cent pages in-octavo, soit quarante études de provenance internationales et traitant presque toutes de questions de principe. Il sera illustré de photographies à caractère technique.

Ayez l’obligeance de nous adresser, si vous le jugez utile, quelques conseils au sujet de la publicité que nous pourrions faire dans les revues spéciales russes pour le lancement de notre ouvrage qui aura lieu en octobre — novembre.

Veuillez agréer, Monsieur le Professeur avec mes remerciements, l’expression de mes sentiments les plus distingués.

Le redacteur en chef (подпись)

ЦГАЛИ СПб. Ф. 389. Оп. 1. Д. 150. Л. 5 — 5 об.

38

Перевод

Господин профессор,

Мы отправляем Вам с сегодняшней заказной почтой окончательную верстку Вашей статьи. Разумеется, у Вас есть право на любые авторские исправления русскоязычного текста на французском языке⁴⁶, которые мы тщательно учтем. Наш том будет включать в себя 400 страниц *in octavo*, или сорок исследований со всего мира, и почти все из них касаются принципиальных вопросов. Он будет проиллюстрирован фотографиями технического свойства.

Будьте добры дать нам, если вы считаете это полезным, несколько советов по поводу рекламы, которую мы могли бы сделать в российских специальных журналах для запуска нашей книги в октябре — ноябре.

Благодарю Вас, господин профессор, и прошу принять уверение в моем совершенном почтении.

Главный редактор

39

№ 6

Ж. Илер — Ф. И. Шмиту

Paris, le 4 Septembre 1930

Monsieur le Professeur,

Vous voudrez bien trouver sous ce pile épreuves définitives de votre article destinent à notre volume sur les Musées.

Si vous avez des corrections nouvelles à apporter à votre texte, ayez l'obligeance de nous les renvoyer avant le mois d'octobre, sinon vous recevrez en même temps que 5 exemplaires du volume que nous préparons, l'indemnité qui vous a été promise pour votre collaboration.

Veillez agréer, Monsieur le Professeur, avec mes meilleurs remerciements, l'expression de mes sentiments les plus distingués.

ЦГАЛИ СПб. Ф. 389. Оп. 1. Д. 150. Л. 6.

40 Перевод

Господин профессор,

В этой стопке Вы найдете окончательную верстку Вашей статьи, предназначенной для нашего тома о музеях.

Если у Вас есть новые исправления в Ваш текст, то Вам надо вернуть их нам до октября, в противном случае Вы получите одновременно 5 экземпляров тома, который мы готовим, и гонорар, обещанный Вам за сотрудничество.

Благодарю Вас, господин профессор, и прошу принять уверение в моем совершенном почтении.

41

№ 7

Ж. Илер — Ф. И. Шмиту

9 september 1930

ответил 24.09.30⁴⁷

Monsieur le Professeur,

J'ai bien reçu en date de ce jour les épreuves corrigées de votre article sur les Musées de l'URSS. Inutile de nous renvoyer les secondes épreuves que je vous avais fait tenir par un second envoi.

J'y reporterai moi-même vos corrections.

Veillez agréer, Monsieur le Professeur, l'expression de mes sentiments les plus distingués.

P. S. Nous vous envoyons ci-joint un prospectus datant de 1928, concernant les "Églises rupestres de Capodocce". Le prix était à ce moment-là le même que le prix de souscription, c'est-à-dire 1500 francs. Il est actuellement de 2 000.

Nous pouvons vous faire bénéficier d'une remise de 10 % qui nous est consentie.

Voulez-vous nous faire savoir si vous êtes désireux que nous fassions expédier cet ouvrage, auquel cas il vous resterait à nous faire parvenir la somme représentant la différence entre 1800 Francs (2000 moins 20 %) et 500 FRs.

Faudrait-il faire adresser le colis à Leningrad ou en Crime? Nous ne vous adressons pas cette lettre en Crime, l'adresse, que vous nous avez donné, ne nous paraissant pas suffisamment complète.

ЦГАЛИ СПб. Ф. 389. Оп. 1. Д. 150. Л. 7 — 7 об.

42

Перевод

Господин профессор,

Сегодня я получил исправленную верстку Вашей статьи о советских музеях. Не нужно нам отправлять вторую верстку, которую я Вам отправил второй почтой.

Я сам передам Ваши исправления.

Примите уверения, господин профессор, в моем совершенном почтении.

P. S. Мы Вам также отправляем брошюру 1928 г., посвященную «Скальным церквям Каппадокии». Цена ее на тот момент была такой же, как и цена на подписку, то есть 1500 франков. В настоящее время она составляет 2 000.

Мы можем предоставить Вам десятипроцентную скидку.

Пожалуйста, дайте нам знать, хотите ли Вы, чтобы мы отправили Вам эту книгу? В таком случае Вам лишь придется отправить нам сумму, составляющую разницу между 1 800 франков (2 000 минус 20 %) и 500 франками.

43 Нужно ли отправить посылку в Ленинград или в Крым? Мы не отправили Вам это письмо в Крым; адрес, который Вы нам дали, нам показался недостаточно полным.

Примечания:

1. Чубарьян А. О. Девять ноль в пользу истории // Историк. 2021. Октябрь. С. 72.
2. См., например: Чубарьян А. О. Ленин и формирование советской внешней политики. М., 1972; Чубарьян А. О. Европа 20-х гг.: новые реалии и тенденции развития // Европа между миром и войной. М., 1992. С. 6—19.
3. ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 228.
4. СПбФА РАН. Ф. 2. Оп. 1 (1920). Д. 8. Л. 1.
5. СПбФА РАН. Ф. 2. Оп. 1 (1920). Д. 8. Л. 1.
6. Журналы заседаний Совета Эрмитажа. Ч. II. 1920—1926 гг. / ред. Пиотровский М. Б. СПб., 2009. С. 180.
7. Ананьев В. Г., Бухарин М. Д. Академик С. А. Жебелёв и Государственный Эрмитаж // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2018. 11. P. 43—70.
8. СПбФА РАН. Ф. 2. Оп. 1 (1920). Д. 8. Л. 6.
9. СПбФА РАН. Ф. 2. Оп. 1 (1920). Д. 8. Л. 6.
10. СПбФА РАН. Ф. 2. Оп. 1 (1920). Д. 8. Л. 6—7.
11. О самых ранних примерах см.: Bennett T. The Birth of Museum: history, theory, politics. L.; N. Y., 2009. P. 41—43.
12. Ананьев В. Г., Фомкина М. И. Пространство художественных музеев в международных проектах 1920—1930-х гг.: теория практики в музеологической мысли межвоенного двадцатилетия // Человек. Культура. Образование. 2018. № 2 (28). С. 58—72.
13. СПбФА РАН. Ф. 2. Оп. 1 (1920). Д. 8. Л. 7.
14. СПбФА РАН. Ф. 2. Оп. 1 (1920). Д. 8. Л. 8 об.
15. АГЭ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 219. Л. 43—44. О создании комитета см.: Кумпан К. А. К истории возникновения Соцкома в Институте истории искусств (Еще раз о Жирмунском и формалистах) // На рубеже двух столетий: Сборник в честь 60-летия Александра Васильевича Лаврова / сост. Вс. Багно, Дж. Малмстад, М. Маликова. М., 2009. С. 345—360.
16. АГЭ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 219. Л. 51.
17. АГЭ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 219. Л. 121 об.
18. P. E. d., G. H. Avant-Propos // Musées, enquête internationale sur la réforme des galeries publiques. P., 1931. P. 5. Les Cahiers de la République des lettres, des sciences et des arts. Vol. XIII / авт. предисл. Пьер д'Эспезель и Жорж Илэр.
19. Wildenstein G. Pour une politique des musées Français // Musées, enquête internationale sur la réforme des galeries publiques. P., 1931. P. 369—370.
20. P. E. d., G. H. Avant-Propos // Musées, enquête internationale sur la réforme des galeries publiques. P., 1931. P. 9.
21. Шмит Ф. И. Музеи Союза Советских Социалистических Республик // Вопросы музеологии. 2012. № 2 (60). С. 195.
22. Там же.
23. Там же. С. 196.
24. Там же. С. 198.
25. Там же. С. 201.
26. Подпись сделана от руки.

27. Де Форест, Роберт (1848—1931) — президент Совета директоров Метрополитен-музея в 1913—1931 гг.
28. Деонна, Вальдемар (1880—1959) — археолог, историк, фотограф, профессор Женевского университета (1925), директор женевского Музея искусства и истории (1920—1951).
29. Верн, Анри (1880—1949) — французский музейный деятель, историк искусства, директор Национальных музеев (1925), автор проекта реорганизации Лувра (1926).
30. Форест де, Роберт (1848—1942) — президент Метрополитен-музея в 1913—1931 гг.
31. Сотомайор, Альварес (1875—1960) — испанский художник, директор музея Прадо в 1922—1936 гг.
32. Шмидт Дегенер, Фредерик (1881—1941) — голландский историк искусства, директор Рийкс-музея в 1921—1941 гг.
33. Пеллатти, Франческо (1882—1967) — итальянский археолог, искусствовед, историк музейного дела.
34. Виконт де Абернон, Эдгар Винсент (1857—1941) — британский финансист, дипломат, посол в Германии в 1920—1926 гг.
35. Фридландер, Макс (1867—1958) — немецкий историк и теоретик искусства, первый директор Картинной галереи Музея кайзера Фридриха (Берлин) в 1924—1933 гг.
36. Сварженский, Георг (1876—1957) — немецкий историк искусства, Генеральный директор Франкфуртских музеев (1928—1933).
37. Фор, Эли (1873—1937) — французский писатель, историк искусства.
38. Лот, Андре (1885—1962) — французский художник, скульптор, преподаватель и историк искусства.
39. Руо, Жорж (1871—1958) — французский художник, оформитель театральных постановок.
40. Сарфатти, Маргерита (1880—1961) — искусствовед, журналист, общественный деятель, любовница Б. Муссолини.
41. Баслер, Адольф (1876—1951) — французский и польский критик-искусствовед, галерист, коллекционер.
42. д'Орс, Эугенио (1881—1954) — каталонский писатель, критик-искусствовед, философ.
43. Фосийон, Анри (1881—1943) — историк французского средневекового искусства, профессор университета Сорбонны (1924) и Коллеж де Франс (1938).
44. Приписка красным карандашом.
45. Последний абзац написан от руки.
46. Вероятно, имеется в виду, что в основе французского текста, присланного Ф. И. Шмитом, лежал русскоязычный оригинал, в который автор вносил исправления уже на французском языке.
47. Приписка красным карандашом.

Библиография:

1. Ананьев В. Г., Бухарин М. Д. Академик С. А. Жебелёв и Государственный Эрмитаж // *Journal of Modern Russian History and Historiography*. 2018. № 11. Р. 43—70.
2. Ананьев В. Г., Фомкина М. И. Пространство художественных музеев в международных проектах 1920—1930-х гг.: теория практики в музеологической мысли межвоенного двадцатилетия // *Человек. Культура. Образование*. 2018. № 2 (28). С. 58—72.
3. Журналы заседаний Совета Эрмитажа. Ч. II. 1920—1926 гг. / ред. Пиотровский М. Б. СПб., 2009.
4. Кумпан К. А. К истории возникновения Соцкома в Институте истории искусств (Еще раз о Жирмунском и формалистах) // *На рубеже двух столетий: Сборник в честь 60-летия Александра Васильевича Лаврова* / сост. Вс. Багно, Дж. Малмстад, М. Маликова. М., 2009. С. 345—360.

5. Сыченкова Л. А. Историографический образ Федора Шмита // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. Т. 154. № 3. С. 199—208.
6. Шмит Ф. И. Музеи Союза Советских Социалистических Республик // Вопросы музеологии. 2012. № 2 (60). С. 194—201.
7. Чубарьян А. О. Девять ноль в пользу истории // Историк. 2021. Октябрь. С. 66—73.
8. Чубарьян А. О. Европа 20-х гг.: новые реалии и тенденции развития // Европа между миром и войной. М., 1992. С. 6—19.
9. Чубарьян А. О. Ленин и формирование советской внешней политики. М., 1972.
10. P. E. d., G. H. Avant-Propos // Musées, enquête internationale sur la réforme des galeries publiques. P., 1931. P. 5—12.
11. Wildenstein G. Pour une politique des musées Français // Musées, enquête internationale sur la réforme des galeries publiques. P., 1931. P. 369—384.

The Role of Fedor Schmitt in Museum Diplomacy of the 1920s — 1930s

Vitaliy Ananiev

*Saint Petersburg State University
Russian Federation, Saint Petersburg*

Mikhail Bukharin

*Institute of World History RAS
Russian Federation, Moscow*

Abstract

The article analyzes the scientific dialogue between the leading Soviet and world representatives of museological thought, in particular between F. I. Schmitt and J. Hilaire. The basis for the publication was the correspondence of Schmitt and Hilaire on the publication of an article by the Soviet scientist in the 1931 issue of the “Les Cahiers de la République des lettres, des sciences et des arts” on the reform of world museums. The USSR did not stand aside from radical transformations in world museum activity, for this reason the leading world publication showed a strong interest in the participation of the Soviet scientist in the preparation of this volume.

Keywords: Soviet-French relations, museum, exhibition activity, visualization of ideas, diplomacy

Publication date: 05.12.2021

Citation link:

Ananiev V., Bukharin M. The Role of Fedor Schmitt in Museum Diplomacy of the 1920s — 1930s // ISTORIYA. – 2021. – V. 12. – Issue 11 (109) [Electronic resource].

URL: <https://history.jes.su/s207987840017631-3-1/> (circulation date: 29.12.2021). DOI: 10.18254/S207987840017631-3